

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый (1917–1945 г.)

УДК 94(476.5)«1920/1229»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАКТИК МАТЕРИНСТВА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ г. ВИТЕБСКА 1920-х ГОДОВ

канд. ист. наук, доц. Г.Н. ЯКОВЛЕВА

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

Средства массовой информации 1920-х годов сыграли большую роль в пропаганде «социального материнства», предполагавшего вовлечение государства и общества в решение проблем семьи. На страницах местных газет печаталось значительное количество информации о роли медицинских и детских дошкольных учреждений в привитии матерям и детям навыков гигиены и культурности. Огромную роль они играли и в распространении новой советской идеологии.

Ключевые слова: *пропаганда «социального материнства», средства массовой информации, семья.*

Исследования последних лет «доказали очень большую степень воздействия политической власти на сексуальную жизнь, женскую репродуктивную сферу, а также на практики материнства в большинстве индустриальных стран во всем мире» [1]. Свою специфику эти процессы имели в Советском Союзе. После прихода большевиков к власти уже 16 декабря 1917 г. был принят декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака», а 18 декабря – декрет «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния». В конце декабря 1917 г. А. Коллонтай подписала декрет Наркомата государственного призрения, которым, для разработки и организации «мероприятий по охране и обеспечению материнства как социальной функции женщины, и по охране младенчества, как прямой Обязанности государства», создавалась коллегия в составе 6 человек. Коллегии поручалось организовать специальный отдел по охране материнства и младенчества. Отдел должен был организовывать консультации для беременных и детей до 3 лет, дома ребенка, дома матери и ребенка, детские ясли, молочные кухни, а также заниматься просветительской работой по вопросам гигиены женщин и детей. Меры по защите материнства в Трудовом кодексе 1918 г. включали введение 8-недельного оплачиваемого отпуска до родов и такого же периода после родов. В Семейном кодексе 1918 г. отказались от разделения детей на тех, кто был рожден в браке и вне брака, утверждалось право ребенка на алименты в случае развода родителей (если брак был не зарегистрирован, отцовство могло быть установлено судом). Упрощалась процедура развода, который мог быть произведен по требованию одного из супругов. «Государство обещает облегчить женщинам «трудное бремя материнства», перенеся часть забот по вскармливанию и воспитанию детей с плеч матерей на плечи государства через сеть детских учреждений – яслей, детских садов, детских площадок, которые бы принимали малышей практически с рождения» [1]. Ясли и сады, консультации для женщин, дома младенца (для детей сирот), дома матери и ребенка (здесь будущая мать могла провести два месяца до рождения ребенка и два месяца

после родов в гигиенических условиях), роддома стали учреждениями общественной заботы о материнстве. Предшествующий традиционный «обычный» опыт материнства новое государство отрицает полностью. Изменяются требования к тому, как рожать, как растить и как воспитывать детей. По мнению К. Келли, под прямым воздействием западных теорий и практики возник гигиенический этос воспитания детей, до революции распространявшийся среди представителей образованной элиты, а после революции получивший официальную поддержку государства [2, с. 408].

Газеты помогали формировать в обществе политически и социально одобряемые модели родительства, прежде всего, материнства. Новые институты по охране матерей и детей были широко представлены в советской печати и преподносились как исключительное завоевание пролетарской революции. Широко пропагандировались институты родовспоможения – женские консультации и родильные дома. Они должны были способствовать разрушению усвоенных ранее наборов поведенческих стереотипов и помочь воспитать идеальную мать, правильно рожаящую и в соответствии с научными требованиями воспитывающую своего младенца. «Патронажные сестры, как это следует из инструктажа двадцатых годов, должны были учить матерей: проветривать комнату, соблюдать чистоту в отношении комнаты, постели и белья ребенка, переносить постель ребенка к свету, организовывать отдельную постель для ребенка («вместо того, чтобы спать с матерью, в люльке, в корзине и пр.»), запрещать свивать младенца, купать и подмывать, выносить детей гулять, не пользоваться пустышкой» [3].

Способствуя «гигиеническому материнству» (Ю. Градскова) газеты приглашали женщин на курсы по уходу за детьми, публиковали материалы о важности консультаций и роддомов. Для привлечения внимания общественности к проблемам детских учреждений и мобилизации средств регулярно проводились «Недели охраны материнства и младенчества», мероприятия которых активно освещались в центральной и местной прессе. Недели охраны проводились силами женотделов, профсоюзов, секцией здравоохранения Горсоветов и включали в себя мероприятия по агитации и сбору средств. Заря Запада» агитировала читателей подписаться на журнал «Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи», рекламировала книгу «Мать и дитя», которая должна была стать «противоядием против нелепых и опасных советов невежественных бабок» [4, л. 43 об.].

Для борьбы с «бабками», ставшими тогда символом всех невежественных практик ухода за детьми и правил поведения в семье, стали использоваться так популярные в 1924-1925 гг. «красные крестины» – советские заменители традиционных крестин. В январе 1924 г. на фабрике «Двина» проходили октябрины, девочку назвали Лениной. «Культурное шефство и наблюдение за воспитанием в советском духе – вот задача шефских организаций. Пока ребенок находится в младенческом возрасте, шефы должны следить за тем, чтобы мать воспитывала ребенка не по советам «бабок», а несла бы его в консультацию и ясли», – писал автор заметки, освещавшей ход «красных крестин» [5, л. 120 об., 131 об.]. Воспитание ребенка становится делом общественным. На всебелорусском съезде крестьянок-латышек, проходившем в Витебске в 1926 г., член латышского бюро ЦК КП(б)Б призывала их добиваться создания коек для рожениц при больницах, акушерской помощи на дому, консультаций для беременных и детских яслей на летнее время [6, л.

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый (1917–1945 г.)

95]. В местной печати публикуется заметка матери, усвоившей новые подходы к материнству. Она пропагандировала работу детской консультации в Витебске, которая дает «лечение, совет, лекцию, книгу». Сетую, что из 1500 женщин, стоявших на учете, лекции посещали лишь 30 – 40, автор убеждала мам, желавших иметь здоровых и правильно воспитанных детей, носить их в консультацию и слушать лекции специалистов [6, л. 183 об.].

«Заря Запада» в 1927 г. в рубрике «К Октябрю – проверим достижения» сообщала о конкурсе на лучшего ребенка, который проходил в Витебске 4 ноября. Конкурс преследовал цель «побудить матерей лучше воспитать своего ребенка и дать ему тот правильный уход, который ей рекомендует консультация». Специальная комиссия отобрала 8 лучших ребят («развитых и аккуратных»), чьи матери выполняли советы консультации по уходу за ними. Были предусмотрены 3 премии: 1) кровать, 2) вязаный костюм, 3) ванночка и губка с мылом. Остальные 5 ребят получили грамоты [4, л. 214 об.].

Витебский инспекторат охраны здоровья в 1929 г. проводил трехмесячный конкурс на лучшую семью, содержащую детей на патронате. Интересно, что среди 8 критериев, по которым оценивались семьи, участвовавшие в конкурсе, первым было «посещение консультации 1 раз в месяц». Остальные требования касались физического и психического развития детей, чистоты помещений, приучения детей к опрятности, ежедневные прогулки на свежем воздухе, развитие навыков самообслуживания и приучения к коллективной жизни [7, л. 110 об.].

В 1920-е годы утвердились многие практики ухода за детьми, сохранявшиеся в СССР десятилетиями (кормление детей жестко по часам, отсутствие ночного кормления, отдельное содержание детей и мам в роддомах, жесткая регламентация посещения рожениц посетителями и др.). Именно такую практику, кстати, описывал корреспондент, рассказывавший о родильном отделении витебской городской больницы в 1924 г. «Каждые два часа санитарка берет по два-три ребенка на руки и разносит их к матерям для кормления. В это время комнаты вентилируются. Только с 12 ночи до 6 утра никакого кормления не производится». А конфликты по поводу «одного» разрешенного свидания и одной передачи в сутки были уже и тогда. Молодые мужья и пожилые «знакомые» (иронизировал рабкор по поводу знакомых) называли больницу «тюрьмой» и обещали «пропечатать в газете» [8, л. 107 об.]. Из 46 рожениц, находившихся в больнице в день посещения ее корреспондентом, крестьянок было только две. Но в этом автору виделись огромные достижения власти в деле преодоления страхов и темноты деревенских женщин по отношению к родам в медучреждениях.

В часто упоминаемой исследователями работе З.М. Конюс «Общественная и культурно-просветительная работа медицинского персонала» разлучение детей и матерей, например, в домах отдыха для матерей с детьми (матерям разрешались свидания с детьми только на два-три часа в день во время прогулки), объяснялось автором и как необходимость «дать ей (матери) возможность разумно отдохнуть и за короткий период отпуска действительно поправить свое здоровье». В это время ребенок должен был находиться на попечении «квалифицированного персонала». В таком доме отдыха с матери снимались все тяготы материнства, а оставалась ее светлая сторона – мать сохраняла «живую и нежную связь» с ребенком [См.: 9]. Интересна в этом контексте заметка в витебской

газете работницы А. Бизуновой «Нужен дом ребенка». В духе времени она предлагала создать временный летний дом ребенка, куда мать смогла бы сдавать малыша, уезжая в дом отдыха [6, л. 140 об.]. Редакция отметила, что это предложение, идущее из низов рабочей массы, заглухнуть не должно. Продолжения, однако, эта инициатива не имела.

С ноября 1920 г. в Советской России были легализованы аборт, их число стало таким огромным, что с января 1924 г. их можно было делать только по разрешению создаваемых абортных комиссий, состоявших из врачей и представительниц женотделов. Для обоснованного проведения аборта в медучреждении нужны были медицинские или социальные показания. Абсолютное большинство аборт производилось по социальным показаниям. Разрешение могли получить женщины многосемейные, старше 40 лет, одинокие и материально не обеспеченные, несовершеннолетние, подвергшиеся изнасилованию. Описывая в 1926 г. работу родильного отделения больницы имени Калинина в Витебске корреспондент упоминал и «антироженец»: «и пожилых, и молодых, и молоденьких». «Аборт узаконен, поэтому – делай, черт побери ! И делают... до 100 абортов в месяц. Только в родильном отделении. А сколько делается вообще?» [8, л. 107 об.].

Автор статьи не зря задавал этот вопрос. По всей стране, и в губернии в том числе, сохранялось огромное число случаев прерывания женщинами беременности самостоятельно или у знахарок. К году лишения свободы была приговорена Агафья Иванова 50-ти лет из Езерищенского района за то, что «за 2 рубля деревянным прутиком делала аборт крестьянкам», которые потом месяцами лежали в больнице. В заметке сообщалось, что окружной суд сократил осужденной срок лишения свободы до 3-х недель, ввиду ее «полной слепоты, хромоты и старости» [6, л. 165]. В Полоцке на два года принудительных работ была осуждена «Катка-ворожея», которая выкидыши делала, не одну женщину отправив на тот свет. «Пагубно думать, что аборт – плевое дело, что его можно делать и без доктора», – писала автор заметки, призывая женщин обращаться в больницу, а не к очередной Катке-ворожее [5, л. 124]. Как средство регулирования беременности женщинам предлагалось не только прерывание ее в больнице, но и предохранительные средства, которые стали выпускаться специальной лабораторией отдела охраны материнства и младенчества Народного комиссариата здравоохранения. «Требуите! Противозачаточные средства. Шарики «Концентрацептин». Паста «Преконсоль», – настоятельно призвала «Заря Запада» [7, л. 16 об.]. Рекламировались также мужские презервативы «от беременности и заражения из тонкой лучшей шелковой резины» стоимостью 2 руб. 75 коп. - 3 руб. 75 коп. за дюжину [6, л. 144 об.]. Однако широкого распространения в 1920-е эти средства не получили, а аборт на долгие десятилетия остались главным средством советских женщин решать вопросы планирования детей в семье.

Газеты уделяли внимание проблеме насилия в семье. В 1924 г. в заметке «Позорное пятно» говорилось об истязании работницей витебской фабрики «Двина» Пильской детей 9 и 11 лет. Автор требовал общественного суда над ней, как «подрывающей основы здорового воспитания будущего поколения». Другие участники дискуссии требовали судить работницу по нормам Уголовного кодекса, а детей отдать в коммуну. Женщины-делгатки предлагали сначала вникнуть в обстоятельства жизни работницы, способствовавшие такому обращению с детьми, а затем устроить политсуд для разьяснения «сотням

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый (1917–1945 г.)

Пильских», что дети – это не их собственность, а общественное достояние и будущее страны [5, л. 120 об., 126 об.]. Нередко на страницах газет шла речь и о том, что объектом насилия становились женщины и дети, которых не просто бьют, но даже истязают их мужья (даже партийцы), которых надо карать по нормам Уголовного кодекса, устраивая показательные суды. Особенно активизировалась витебская пресса по этому поводу в 1926–1927 гг., когда по всей стране началась массовая кампания борьбы с хулиганством в рабочей среде, проявления которого стали тревожить власть.

В 1920-е годы из-за падения морали и легкости развода резко возросло число матерей-одиночек. Оказавшись в тяжелой жизненной ситуации, одни поднимали детей, другие оставляли их на ступеньках храмов, подбрасывали в подъезды домов центральных улиц города, рассчитывая, что там их быстрее обнаружат и передадут в приют. В деревнях нередко решались и на детоубийство. Заметки в газетах описывают жестокость нравов и безысходность положения забеременевших без мужей женщин, иногда речь шла и об их абсолютной нравственной глухоте. Обвинялась в преднамеренном убийстве ребенка крестьянка одной из деревень Витебского округа. Отца ребенка она не знала, ребенка «годовать» не хотела: «Чего ж иметь некрасивое дитя?» [10, л. 241 об.]. Обманутая хозяином 18-летняя работница утопила ребенка в колодце, «неграмотная, темная, абсолютно некультурная и неразвитая, объяснить свой поступок не смогла» [6, л. 7 об.].

Созданные для обездоленных детишек учреждения не пустовали. Дом ребенка в Полоцке на треть был заполнен подкидышами, остальные дети имели только матерей-одиночек из рабочих или крестьян. Дом младенца в Витебске привлек внимание рабкора Нила, описавшего тяжелые будни матерей, которые находились здесь со своими детьми. По инструкции они должны были работать два часа в сутки, на деле же они каждый день часами трудились на кухне и в палатах, помогая сестрам-воспитательницам. Были и такие нерадивые воспитательницы, которые «любили постоять перед зеркалом и полюбоваться собой», когда дети лежали мокрые в кровати или падали со стульчика, ломая себе руки и ноги. Эти сестры сваливали свои обязанности на матерей, заменяли они и заболевших уборщицу, прачку или кухарку. Такие мамы также были обязаны дать «минимум полтора литра грудного молока, а если она не дает такого количества, то она признается негодной для службы в Доме ребенка». Если из-за переутомления у нее уменьшалось количество молока, то она получала выговор, а то и предупреждение на две недели, а после предупреждения и увольнение: «бери своего ребенка и уходи куда знаешь!» [8, л. 170 об.]. Рабкор требовал изменить эти «порядочки», чего требуют интересы детей и матерей.

В 1925 г. общество «Друг детей» открыло в Витебске консультацию – ясли на 30 мест. Дети возраста от 4 месяцев до 4 лет находились в яслях с 8 часов утра и до 6 часов вечера. «Штатные койки заполнены детьми-полусиротами, имеющими только матерей, брошенных отцами. Матери имеют случайную черную работу, плохо обеспечены», – сообщалось органами РКИ в акте обследования учреждения. После 4-х лет дети передавались в витебский детский дом «Красная звездочка». В 1926 г. в нем находилось 62 ребенка в возрасте от 3 до 8 лет. 42 из них не имели никаких родственников, 20 – полусироты, имевшие матерей, брошенных мужьями, и находившихся в тяжелом материальном положении. 12 женщин занимались проституцией [11, л. 5, 7]. Жизнь в яслях была несладкой, не хватало теплой одежды, постельного белья, игрушек, не было теплого туалета, нормальных условий для гигиенических процедур.

В 1926 г. становится очевидным курс ВКП(б) на укрепление семьи и её ответственности за родившихся детей, на борьбу против предыдущих теорий о свободной любви, «стакане воды» и т.д. Государство не справлялось с провозглашенными ранее планами взять на себя заботу об общественном воспитании и содержании детей. На эту тему начинают высказываться видные члены партии и правительства, чье мнение тут же начинают перепечатывать газеты на местах. «Заря Запада» на своих страницах разместила несколько статей наркома просвещения А. В. Луначарского и наркома здравоохранения Н.А. Семашко, направленных против «гримас» нового быта. Н.А. Семашко писал, что брак в стране «не насильственный и лицемерный, а свободный», но «свободу брака» неустойчивые элементы поняли, как свободу разврата и постоянной мены жен. Женщина стала «страдающей стороной в семейных неурядицах», а дети часто остаются без воспитания и надзора родителей. Эти «гримасы нового быта», эти отрицательные стороны переходного периода должны быть изжиты [8, л. 127]. Автор «Зари Запада» М.К., транслирует новые установки власти, пересказывает лекцию Луначарского о быте и семье. И вслед за ним называет разрушителем, «бытовым контрреволюционером» всякого, кто «порхает с цветка на цветок», не заботясь о последствиях [8, л. 166]. Луначарский не только призывал к общей ответственности за содержание и воспитание детей пусть даже и разведенных родителей. «Отцом и матерью быть легче, чем воспитывать ребенка – воспитание дело сложное, и вместо семейного кустарничества мы должны организовать правильно поставленный дом младенца, правильно поставленный детский сад, правильно поставленное общественное образование. Но мы только постепенно придем к этому, а пока нам придется исходить из тех ресурсов, какими мы располагаем», – писал он [12].

В печати обсуждался проект нового Кодекса законов о браке, семье и опеке. Разъяснялись права женщин и рожденных вне официального брака детей. В колонке «Суд и быт» «Заря Запада» освещала дела по искам о признании отцовства и уплате алиментов. Они показывают разные модели поведения женщин-матерей и различные стратегии попыток минимизации обязательств со стороны мужчин. Еврейская камера народного суда Витебска в клубе щетинного комбината слушала дело рабочего М. Израилита, «франтоватого молодого человека», отрицавшего свое отцовство. Решение суда о выплате ответчиком в пользу ребенка 20% зарплаты комментировалось газетой: «Так такому хлюсту и полагается» [6, л. 133]. Семь месяцев бегал от алиментов строитель по профессии М. Тетельбаум, который сожительствовал с девушкой, однако отказался от отцовства. Признанный судом отцом ребенка, он должен был выплачивать 25% заработка на его содержание до совершеннолетия [10, л. 105 об]. В другом случае, оставив жену и детей, уехал на заработки в Донбасс крестьянин из Городокского района Витебского округа. Жена, не получая помощи, поехала к мужу и застала его с новой женой, тоже уже родившей ребенка. Муж, чтобы не платить алименты, предложил жить втроем. Такая «тоже любовь втроем» (обыграно название шедшего в 1927 году фильма) закончилась убийством. Вторая жена, убившая первую, получила сначала 8 лет, затем срок был сокращен до 5 [13, л. 87].

В дискурсах заботы о материнстве и детстве, гигиене и культурности заметную роль играли не только медицинские, но и детские дошкольные учреждения. Особенно

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый (1917–1945 г.)

важны они были в деревне, т.к. несли туда хотя бы элементарные санитарно-гигиенические знания, способствовали привитию навыков ухода за детьми. В структуру детских дошкольных учреждений входили ясли для детей в возрасте от 2-х месяцев до трёх лет, детские сады, работающие 6 часов, сады-очаги, работающие 8-10 часов, летние детские площадки (находились в ведении Отдела народного образования).

«Заря Запада» сообщала, что в 1926 г. в БССР действовало 56 детских садов: 23 – в городах, 33 – в районах. Сады охватывали только 2210 детей – 0, 39% всех детей дошкольного возраста. По республике действовало также 5 детских очагов (4 в городах, 1 – в районе). Все дошкольные учреждения в БССР охватывали 1,18% всех детей дошкольного возраста [8, л. 72 об.]. В Витебске функционировало 8 детских садов, 4 яслей, 4 консультации, 17 летних детских площадок [6, л. 94 об.].

Детские учреждения работающих женщин устраивали, потому что дети в них были «сыты и целы». Для власти же важным было не только воздействие на детей, но и влияние детских учреждений на матерей через приобщение их к «культуре» и «гигиене», к «советскому» взгляду на мир. Шло воспитание не только детей, но и их матерей. Одним из основных принципов работы советского детского сада была связь с семьей и оказание родителям помощи в правильном воспитании ребенка. Выпускались специальные серии небольших популярных брошюр в помощь родителям по воспитанию ребенка в семье. В них давались конкретные указания по физическому развитию ребенка, советы относительно питания и организации уголка дошкольника дома, освещались вопросы трудового, антирелигиозного воспитания. Огромную роль в пропаганде новых практик материнства играли советские плакаты 1920-х гг. на эту тему.

В Витебске руководители «1-го еврейского детского очага» вместе с родительским комитетом старались влиять на жизнь и быт рабочих, изжить религиозные предрассудки, привить культурные навыки, научить родителей гигиене и тому, как воспитывать детей [6, л. 88 об.]. Делегатка, прикрепленная к 4-му белорусскому детскому саду, отмечала, что дети учатся рисовать, лепить, часто ходят на экскурсии. «Обязательно все рисуют Ленина в гробу, это наиболее обычная тема для ребят» [4, л. 9]. В 1924 г. в Витебске в центральном детском очаге дети лепили «ящик или корыто, в котором лежит фигурка, означающая человека». Руководители поясняли, что это Ленин в гробу. Рабкор уточнял, что таких однородных фигурок – «Ленин в гробу» – много [5, л. 105]. Политизированность воспитания в детских дошкольных учреждениях хорошо просматривается в тех заметках, которые газета «Заря Запада» публиковала в 1926 г.: «Дети 1-ого детсада по вызову 2-ого детсада вносят в пользу детям английских горняков 92 копейки и предлагают старшим товарищам тоже последовать их примеру» [13, л. 37 об.]. «Дети 5-ого детсада вносят в пользу детей английских углекопов 3 рубля 34 копейки и вызывают "Красную Звездочку" и 4-й детсад» [13, л. 82 об.]. В акцию солидарности с бастующими много месяцев шахтерами Англии в 1926 г. оказались втянуты и дети!

«Жилищные и материальные трудности дошкольных учреждений способствовали появлению в 1920-е гг. детских площадок, имеющих характер временного детского учреждения. Задача их создания была наиболее выполнимой из-за того, что площадка требовала самого примитивного помещения и оборудования и вообще меньших материальных

расходов. Детские площадки работали только летом и на открытом воздухе» [14]. Активно создавались такие площадки и в Витебске. Пропагандировал работу детской площадки на ул. Канатной корреспондент газеты «Заря Запада». Площадка работала с 8 часов утра до 4 часов дня. Детей кормили завтраком и обедом. «Целевая установка детской площадки – приучить детей к организации своей детской жизни, приблизить их к природе, не только как созерцателей ее, но и как исследователей», – писал автор статьи. Исходя из этой установки, все время дети проводили в саду, на свежем воздухе. Здесь они играли, питались, с ними проводились занятия. Развивалось самообслуживание, детей приучали к труду на земле (возделывание грядок, клумб). Формируя у малышей гигиенические навыки, ввели обязательную чистку зубов, после игры и перед едой требовали обязательного мытья рук. Конечно, и в этой статье не обошлось без идеологических моментов. Автор описывал, как несколько десятков карапузиков, сцепившись ручками, устроили колоссальных размеров хоровод, и, притопывая ножками, двигались по кругу и напевали «очень модную революционную песенку (!)» [4, л. 39]. Признавая появление детских площадок для детей трудящихся завоеванием Октябрьской революции, автор, правда, сетовал на маленькое государственное финансирование дела, столь важного для воспитания подрастающего поколения.

«Коммуной маленьких карапузов» назвал ребятишек, посещавших витебские детские площадки в 1927 году, корреспондент Д.Ш. Когда-нибудь из нее разрастется большая коммуна, в чем убеждала корреспондента «песня 6-летнего человека, ожесточенно ударявшего при пении по столу шахматной доской»: «Старый барабанщик, старый барабанщик, / Долго, долго, долго спал. / Он проснулся, / Перевернулся, / Всех фашистов разогнал» [4, л. 9]. Попытки коммунизации жизни затронули и детские учреждения. На площадке очковой фабрики царило «полнейшее равноправие, проведена общность имущества, общий котел, общие игрушки».

Активизировалась пропаганда дошкольных детских учреждений и новых практик материнства в связи с празднованием 8-го Марта или очередной годовщины Октябрьской революции. Работники 5-го витебского детсада желали стране ко второму десятилетию революции побольше детских садов, чтобы «воспитать здоровое, бодрое поколение и дать возможность матери-работнице, освободив ее от тягот воспитания, принять активное участие в строительстве лучшей, новой жизни». Признавая, что пока бытовые условия пролетарской семьи неподходящие для правильного воспитания ребенка, члены коллектива детсада перечисляли преимущества воспитания в детском саду: воспитывается коллективизм, дети знакомятся с окружающей жизнью и познают окружающую природу, избавляясь от предрассудков и суеверий. Жизнь в саду строится на труде, посильном для возраста ребенка, ему прививаются культурно-гигиенические навыки, за его физическим ростом и развитием наблюдает врач. У такого ребенка не будет тяжелого и безрадостного детства, он не станет лентяем, не умеющим жить и работать сообща [4, л. 212 об.].

Пропагандировались в печати и факты создания при рабочих клубах города детских комнат, которые помогут женщинам-домохозяйкам, не боясь за оставшихся дома детей, провести вечер в клубе, послушать лекцию или посмотреть спектакль драмкружка. Важным было и то, что вокруг детских комнат могут организоваться кружки по воспитанию детей, «приносящие большую пользу в деле переустройства быта рабочей семьи» [8, л.137 об.].

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый (1917–1945 г.)

Таким образом, анализ статей и заметок витебских газет 1920-х годов показывает, что печать играла огромную роль в транслировании новых требований к практикам материнства, в пропаганде значения медицинских и детских дошкольных учреждений в привитии норм правильного воспитания детей. Публикации в прессе должны были способствовать изживанию традиционных тогда практик ухода за детьми (свивания, беспорядочного кормления, качания детей и т.д.). «Влиянию бабок и родственников» противопоставлялось мнение специалистов: педагогов и медиков. Разъяснялась необходимость рожать в роддомах, наблюдаться в консультациях, прислушиваться к рекомендациям врачей. На страницах газет активно пропагандировалась необходимость гигиены, культурности в быту и в уходе за детьми. Отдельные элементы этих требований действительно соответствовали уровню медицинских знаний тех лет, но попытки активного общественного вмешательства в семейные отношения вызывали неприятие части общества. Детские сады, очаги и детские площадки, какими их видели рабкоры Витебска в своих публикациях 1920-х гг., соответствовали задаче идеологизации и коммунализации жизни детей с ранних лет, задаче воспитания их матерей в советском духе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черняева, Н. Производство матерей в Советской России [Электронный ресурс] / Н. Черняева. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/10/14/chern/>. – Дата доступа: 11.06.2018.
2. Келли, К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) / К. Келли // Социальная история. – М., 2003. – С. 385–410.
3. Адоньева, С.Б. Материнство: мифология и социальный институт [Электронный ресурс] / С.Б. Адоньева. – Режим доступа: http://folk.ru/Research/adonyeva_motherhood.php#_ednref20. – Дата доступа: 06.06.2018.
4. Государственный архив Витебской области (далее ГАВт). – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110 а.
5. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 93.
6. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106.
7. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 118.
8. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106 б.
9. Градскова, Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация «материнства» в России в 1920 – 1930-е годы [Электронный ресурс] / Ю. Градскова // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. – М, 2007. – Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/?p=3679#>. – Дата доступа: 10.06.2018.
10. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110.
11. ГАВт. – Ф. 322. Оп. 1. Д. 86.
12. Луначарский, А. О быте [Электронный ресурс] / А. Луначарский. – Ленинград, Гослитиздат, 1927. – Режим доступа <http://ruslit.traumlibrary.net/book/lunacharskiy-o-byte/lunacharskiy-o-byte.html>. – Дата доступа: 07.06.2018.
13. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106а.

14. Обрезкова, Н. В. Система охраны материнства и младенчества в городах Дона в 1920-е гг.: целеполагание, институционализация и мероприятия [Электронный ресурс] / Н. В. Обрезкова. – Режим доступа: // <http://publishing-vak.ru/file/archive-history-2012-2/1-obrezkova.pdf>. – Дата доступа: 26.05.2018.

THE REPRESENTATION PRACTICES OF MOTHERHOOD IN NEWSPAPERS OF VITEBSK 1920-IES

G. YAKOVLEVA

The media of the 1920s played a major role in promoting "social motherhood", which involved the state and society in solving family problems. On the pages of the local Newspapers published a considerable amount of information about the role of medical and child preschool institutions in providing mothers and children with the tools of hygiene and culture. They also played a huge role in spreading the new Soviet ideology.

Keywords: *propaganda of "social motherhood", mass media, family.*